

ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Статья посвящена крайне важной и интересной теме особенностей древнерусской цивилизации. В отечественной науке она является одной из основных и в то же время наиболее спорной. Решение проблемы общего и особенного в истории древнерусского общества крайне важно не только в научном, но и, можно сказать, в национальном плане. От решения данного вопроса зависит понимание всего исторического пути развития России. Статья написана в рамках концепции, предлагаемой автором, согласно которой Древняя Русь является первым этапом в развитии русской цивилизации.

Колыбель русской цивилизации – Киев. Здесь впервые складываются новые формы жизнедеятельности, характерные для Древней Руси, формируется элитарная древнерусская культура. Киевские князья создали обширное государство, сравнимое с державой Карла Великого или империей ромеев. По своему типу Киевская Русь относится к полисной цивилизации. Об этом свидетельствуют как письменные (Жалованная грамота Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю), так и археологические источники (особенности материальной культуры).

Древнерусская цивилизация обладала рядом общих черт, присущих любой полисной цивилизации – верховная собственность города на землю, село как основная хозяйственная ячейка, наличие собрания граждан, патриотизм, свобода и взаимопомощь как базовые ценности. Особенностью Киевской Руси было сочетание высокой горизонтальной и низкой вертикальной мобильности, высокая доля совместного землевладения, сочетание монархии с непосредственным народовластием, построение государства по образцу племени, сочетание церковной организации с массовым языческим сознанием и обычаями, широкая сексуальная свобода.

Ключевые слова: Киевская Русь, цивилизация, особенности, социальный строй.

Древняя Русь изучалась не одним поколением историков. Среди них выдающиеся представители русской исторической науки: Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, И.Я. Фроянов и многие другие. Каждый из них стремился к объективному освещению прошлого, однако результаты у каждого получились свои. Причин тому множество, главная – разная философия и методология исследования. Предлагаемый мной подход к изучению Древней Руси как особой цивилизации позволил взглянуть на древнерусское общество под новым углом зрения. При этом стали понятны и особенности Руси в сравнении с обществами подобного типа [1, с. 26–69].

Становление Киевской Руси приходится на X столетие. Выясняется это путём наблюдения за возникновением и распространением явлений, характерных для цивилизованного образа жизни. В первую очередь речь идёт о городах, монументальных сооружениях, письменности и предметах роскоши. Колыбель русской цивилизации – Киев. Здесь впервые складываются новые формы жизнедеятельности, характерные для Древней Руси, формируется элитарная древнерусская культура. В конце IX – начале X веков

в Киеве появляется дворово-уличная застройка, которая в дальнейшем станет одной из главных черт любого древнерусского города. Здесь впервые возникает и монументальное строительство, начиная от ненайденного археологами каменного княжеского терема до Десятинной церкви, построенной в 996 году князем Владимиром. Почти одновременно с Киевом городские черты приобретает Ладога, известная ещё с середины VIII века. Во второй половине X века городом становится Новгород, а в конце столетия – Полоцк и Чернигов. Во всех этих местах застройка перестаёт быть хаотичной, как это было в первобытную эпоху – появляются дворы, окружённые тыном, улицы с деревянными мостовыми и водоотводными системами. Полуземлянки постепенно выходят на поверхность и превращаются в наземные дома-пятистенки (у обычных горожан) и грандиозные многоэтажные хоромы с множеством клетей, крыльцами и открытыми гульбищами (у «сильных мира сего») – богатых купцов, гридей, бояр и князей). К X веку относится и появление письменности на Руси: первое слово «горухша», процарапанное на корчаге, датируется серединой X века, к 953–972 годам относятся находки первых писал – инструментов для пись-

ма на бересте и церах. В течение X столетия распространяются предметы роскоши, и получает развитие ювелирное дело [1, с. 84–91].

Киевская Русь представляла собой обширное государство, сравнимое с державой Карла Великого или империей ромеев. Однако Русь, по всей видимости, не только внешне напоминала империю – она была ею по сути, а, может быть, и по форме. Киевские князья создали огромное наднациональное государство. Первоначально они предпочитали называть себя каганами, подобно степным императорам, правителям Хазарского каганата. В пользу этого говорит упоминание кагана русов в Бертинских анналах, и именование князя Владимира каганом в «Слове о законе и благодати» Иллариона. По всей видимости, Владимир не удовлетворился этим титулом и первым стал называться царём, т. е. императором. Это отразилось в златниках и сребрениках, на которых Владимир в подражание василевсам изображён с царским регалиями. Царём назван и Ярослав Мудрый в граффито о его смерти на стене Софийского собора в Киеве [2, с. 78].

Особенностью Руси было то, что она выстраивалась по образцу **племени**. Русские князья воспринимали Русь как род (племя), за который они несут ответственность. Это хорошо видно на примере слов, которые летописец приписывает князьям Давиду и Олегу Святославичам, произнесённых по поводу ослепления Василька. «Яко сего не было в роде нашемъ» – сказали они, узнав об ослеплении. Смысл сказанного раскрывает Владимир Мономах, он говорит то же самое, но иными словами: «сего не было есть оу Руськой земли ни при дедехъ наших ни при о[т]цихъ нашихъ...» [3, стб. 236]. В отличие от настоящего племени в основе политической структуры Русской земли была не родовая община, а городская. Как и в племени, на Руси существовала материнская община – это Киев, «мать городов русских», а также дочерние общины стольных городов (центров земель) – Новгород, Чернигов, Галич, Смоленск, Новгород-Северский, Ладога, Ростов, Рязань и другие. Эти города были основаны и заселены Киевом лучшими мужами «от инехъ городовъ» путём принудительного синойкизма. О подобном способе освоения новых земель свидетельствуют сообщения летописи под 988 годом о строительстве князем Владимиром городов

около Киева и сведения о постройке им же Белгорода в статье 991 года [4, стб. 121, 122]. В сущности это мало чем отличается от процесса освоения Сибири в XVII веке. Всюду, куда приходили русские первопроходцы, появлялись деревянные крепости – свидетельства вхождения этих территорий в состав русского государства. Заселялись они так же, как и древнерусские города, из охочих людей, набранных правительством [5, с. 22, 64, 81].

Во главе киевской материнской общины был Великий князь (он же был каганом и царём), один из представителей рода Рюриковичей. Князья этого рода возглавляли общины и других крупных городов, которые были центрами земель. Князь на Руси обладал большой властью. В его руках были практически все стороны общественной жизни. Он возглавлял городские полки, т. е. был верховным главнокомандующим, занимался судом, составлял правды и уставы (выполнял законодательную функцию). При этом всюду у него были дублёры. Кроме князей войсками командовали воеводы, посадники и тысяцкие. Помимо княжеского суда существовал суд посадника, суд тысяцкого и суд епископа. Бывало и так, что князь становился декоративной фигурой. Например, в Ипатьевской летописи под 1153 годом стоит примечательный рассказ о молодом Ярославе Владимировиче Осмомысле, согласно которому бояре не допустили князя к сражению, опасаясь за его жизнь [3, стб. 466–467]. Как видно, древнерусские города вполне могли обойтись и без «военных способностей» князей. Дело в том, что князь в Киевской Руси, скорее всего, был сакральной фигурой, от которого зависело благополучие общества, поэтому его и берегли. Отголоски божественного происхождения князей можно найти в «Слове о полку Игореве», где в одном месте князь Игорь назван внуком Трояна, а в другом все русские князья – Дажьбожьими внуками, т. е. потомками бога Солнца [6, с. 9, 11]. Имея в распоряжении значительные воинские силы – речь о княжеских отроках – князья могли творить насилие над горожанами, причём воспринималось это как нормальное явление. Вспомним хотя бы избиение новгородцев Ярославом Мудрым или Святополком Изяславичем, который, согласно Патерику, «много насилия людемъ сътвори... дома бо силных до основания без вины искоренив и имения многих отъем»

[7, с. 316]. Расправы без суда и следствия над отдельными гражданами были, судя по всему, явлением обычным. Косвенно об этом говорит «Поучение» Владимира Мономаха: «...Ни права ни крива не оубивайте ни повелевайте оубити его... не дайте пакости деяти отрокомъ ни своимъ ни чюжимъ ни в селех ни в житех...» [4, стб. 245, 246.]. Прямое свидетельство княжеского произвола, будто иллюстрирующее слова Владимира Всеволодовича, представляет один из рассказов Киево-Печерского патерика. Здесь говорится о том, как брат Владимира Мономаха, юный князь Ростислав Всеволодович утопил в Днепре преподобного Григория Чудотворца только за то, что он встретился ему на пути [7, с. 314]. Причём Ростислав, кроме божьей кары, никакого наказания за это не понёс. Текст «Патерика» не содержит даже намёка на незаконность действий князя.

Особенностью политического устройства Руси было **сочетание единоличной власти монарха (князя) с вечевой демократией**. В каждом городе, в каждом городском конце, на каждой городской улице было своё вече. Согласно Лаврентьевской летописи, это был обычай, уходящий своими корнями в седую древность. «Новгородци бо изначала и Смолняне и Кыяне [и Полочане] и вся власти, – сообщает летописец под 1176 годом, – яко ж на дому [думу] на вече сходятся на что же старейшии сдумають на томъ же пригороди стануть...» [4, стб. 377–378]. В трёх летописях – Новгородской Первой, Ипатьевской и Лаврентьевской – можно найти 205 упоминаний вечевых сходок в древнерусское время. Из них 62 прямых и 143 косвенных. В качестве городов, где вечевые собрания названы прямо, известны Новгород, Киев, Смоленск, Чернигов, Галич, Владимир, Суздаль, Звенигород, Вышгород и Полоцк. Вечевые собрания решали любые вопросы: призвание или изгнание князя, заключение внешнеполитического или торгового договора, вопросы войны и мира, пожалование земли монастырю или отдельному гражданину, принятие решения об изгнании гражданина из города и лишение его имущества, а также любые другие вопросы, которые могли быть признаны важными для всех граждан города. Решение, принятое на вече, князья оспорить не могли. Например, Князь Владимир, брат Изяслава Мстиславича, оказался не в силах помешать киевлянам, которые

постановили на вече убить Игоря Ольговича. Более того, киевляне «оударisha и Володимера бьючи Игоря» [4, стб. 316–317.]. Однако князья не только не противостояли вечевым собраниям, они возглавляли их. Князь, наряду с посадником, тысяцким и главой церкви всегда находился на ступени – сооружении со ступенями, наподобие Лобного места в Москве, с которого выступали ораторы. Вместе с остальными должностными лицами города он вёл заседания веча.

Социальный строй Киевской Руси обладает чертами типичными для полисной цивилизации. Верховным собственником на землю на Руси был город (городская община). Об этом свидетельствуют немало источников, в частности, жалованная грамота Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю и летописи. «Се езь князь Изяславъ Мьстиславичь, – говорится в грамоте, – по благословению епискупа Нифонта, испрошавъ есми у Новагорода святому Пантелеймону землю село Витославиць и Смердь и поля Ушьково...» [8, №82]. Ипатьевская летопись под 1150 годом сообщает о том, как киевляне, покинув город, утратили своё имущество и сёла: «Вы есте по мне из Рускы земли вышли, – говорит Изяслав Мстиславич киевлянам, ушедшим с ним, – своихъ сель и своихъ жизни лишився...» [3, стб. 409]. В первом случае, князь, намереваясь передать село монастырю, просит разрешения на это у Новгорода. Во втором, оставшись верными своему князю, горожане потеряли всё, что у них было. И то, и другое означает, что именно город был на Руси настоящим собственником земли, а частное землевладение было обусловлено принадлежностью к городской общине, а не верностью сюзерену, как в феодальной Европе. Ярким свидетельством верховенства городской общины в земельных делах служат пожалования земли со стороны города своим гражданам и практика лишения имущества по решению веча. И то, и другое известно по новгородским материалам (духовная Остафия Ананьевича, сообщение Новгородской первой летописи под 1209 годом о судьбе посадника Дмитра).

Основной хозяйственной ячейкой на Руси, как и в любой полисной цивилизации, являлось село-жребий (клер у древних греков), то есть хозяйственный комплекс (пашня, участок леса и реки, пастбище, сенокосные угодья),

принадлежавший членам городской общины. В качестве владельцев таких сёл, источники называют князей, бояр, горожан (без разбору), церковь и смердов [1, с. 268]. Село было связано с городским двором отношениями собственности (владельцы сёл жили в городах) и торгом отношениями обмена (купли-продажи). Смерды, которые сидели на городской земле, но в городскую общину не входили, обязаны были платить городу дань. В источниках не раз встречаются смерды, названные по городской принадлежности: новгородские, суздальские и т. п. Последние, например, упомянуты в летописной статье 1169 года. С них новгородцы незаконно взяли дань, вернувшись домой, как записал новгородский летописец с нескрываемой бравадой, «сторови вси» [9, с. 33].

Базовыми ценностями в Киевской Руси служили патриотизм, свобода и взаимопомощь. Это тоже типично для любой полисной цивилизации. О патриотизме, как главной культурной ценности «правильного» русича свидетельствует практически вся древнерусская литература. Достаточно вспомнить такие произведения как «Слово о полку Игореве» и «Слово о погибели Русской земли», буквально насквозь пропитанные патриотическими чувствами. Или взять «Слово о законе и благодати» Иллариона, в котором автор, без пяти минут русский митрополит, прославляет языческих князей Святослава и Игоря только потому, что они правили в Русской земле. О «взаимопомощи», чувстве солидарности и «братстве», как важнейших ценностях древнерусского общества, лучше всего говорит сообщение летописи 1043 года о походе Владимира Ярославича на империю ромеев. Согласно летописному рассказу, руководствуясь исключительно этими чувствами, воевода Вышата решил возглавить шеститысячный отряд русичей, выброшенный на берег бурей. Отряд намеривался возвращаться на Русь пешком. Если верить летописцу, Вышата произнёс тогда: «...*Аще живъ буду то с ними [дружиной] аще ли погибну с дружиною...*» [5, стб. 142]. Иначе говоря, чувство солидарности и взаимной верности было сильнее угрозы смерти. «Свобода» как основополагающая ценность древнерусского общества хорошо проявляется в отношении к службе и правам личности. Любая служба, по свидетельству Даниила Заточника, воспринималась на Руси как потеря свободы.

«Зане князь щедр отец есть слугам многиим, – говорится в «Слове Даниила Заточника», –... Доброму бо господину служба дослужится слободы, а злу господину служба дослужится болшей роботы» [10, с. 228].

Особенностью древнерусской цивилизации в социально-экономической сфере была **высокая доля совместного землевладения**. Об этом недвусмысленно говорят завещания владельцев земли. В упомянутой выше духовной Остафия Ананьевича (1393 г.) из 16 владений только 1 было в единоличной собственности автора документа. Новгородец Моисей, в распоряжении которого находилось 4–5 обжей земли (около 80 га), согласно его рукописанию (берестяные грамоты №519 и 520), вообще не имел ни одного надела, который был бы в его безраздельной собственности. Вместе с ним сёлами в определённых долях владели совершенно разные люди, которых он называет по именам – Матвей, поп Юрий, Степан, Лука, Тарасовы дети и др. [11, с. 653].

Особый облик древнерусскому обществу придавало **сочетание высокой горизонтальной и низкой вертикальной мобильности**. В Древней Руси существовали социальные группы, в которые проникнуть никоим образом было нельзя. Состав их и количество можно определить по данным церковных уставов. Определённые сведения об этом имеются в судных грамотах, дополнительных статьях Русской Правды, летописях и литературных произведениях. Церковный устав Ярослава Владимировича называет в различных статьях (оскорбление жён, пошибание, умычка и др.) четыре слоя, которые различаются степенью чести и достоинства – это великие бояре или просто бояре (упоминаются также в договоре с греками под 911 годом), меньшие бояре (болярцы по летописи, ПВЛ под 1015 г.), добрые люди (нарочитые, городские) и простая чадь (сельские люди, смерды). Хорошо известно, что в древнерусском обществе никто не мог стать князем, даже самый выдающийся или алчный боярин. Попытки это сделать всегда заканчивались печально для таких смельчаков. Можно вспомнить, например, боярина Владислава или Доброслава Судьича, поповского внука, пытавшихся, как говорится, ловить рыбку в мутной воде. Первый из них умер в заточении, а второй – был схвачен князем Даниилом из-за творимого им беззакония и тоже, видимо, не из-

бежал подобной участи [12, с. 408–436]. На Руси нельзя было стать и боярином, можно было только родиться. Рассказ летописи о Кожемяке, который часто привлекают для доказательства высокой социальной мобильности в Древней Руси, носит явно легендарный характер. В этом рассказе на самом деле ничего не говорится о социальном росте героя и его родственников. В летописи есть лишь краткая фраза – «Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его» [6, стб. 124]. Она даёт широкий простор для спекуляций на эту тему, но не позволяет утверждать что-либо наверняка. «Великий муж» – это, по всей видимости, значит «почитаемый», «знатный», но совсем не обязательно боярин. По сути, это то же, что и «вельможа». В русском и древнерусском языке они отождествляются, не смотря на то, что имеют разное происхождение [13, с. 53]. А вельможи уж точно не имеют отношение к боярам. В «Слове о погибели Русской земли» бояре и вельможи чётко и однозначно различаются. Согласно «Слову», Русская земля богата: «*боярами честными*» и «*вельможами многими*» [14, с. 326]. Даниил Заточник, перечисляя в своём «Слове» каналы социальной циркуляции – проще говоря, возможности улучшения своего положения – нигде не говорит о том, что с их помощью можно было «перепрыгнуть из грязи в князи». Служба князю, война, брак, церковь, воровство и тому подобное для него лишь способ обеспечить себя безбедным существованием, не более того (то есть речь идёт только об экономической мобильности). Красноречивую картину замкнутости социальных слоёв, как факта и как тенденции, рисует процесс нисходящей социальной мобильности, который выражается в существовании на Руси изгоев – людей, волею судьбы оказавшихся вне своего социального круга. Купец, согласно Уставу Всеволода о церковных судах, перестав быть купцом, становился изгоем. Поп, который не имел возможности исполнять обязанности попа, тоже попадал в изгой, а не примыкал к другому социальному слою. Холоп, получив свободу, не становился смердом (самая низшая категория свободного населения), а вливался в семью «выбитых из привычной жизни» людей, т. е. изгоев. Князь, потеряв княжение, оказывался в положении изгоя, а не становился боярином [9, с. 487]. Выходит на Руси не существовало нисходящей вертикальной мобильности как

явления – люди передвигались вверх или вниз по социальной лестнице только в рамках своей замкнутой группы.

Отсутствие вертикальной мобильности, как нисходящей, так и восходящей, по всей видимости, было одной из предпосылок высокой горизонтальной мобильности. Хорошо известны передвижения князей из города в город. Например, Владимир Мономах княжил в Чернигове, Смоленске, Переяславле и Киеве. В течение своей жизни он побывал в Ростове, Владимире Волынском, Турове, Бресте, Новгороде, Полоцке, Минске и других городах. Согласно «Поучению», он совершил 83 больших перехода [4, стб. 247–250]. Не вызывают сомнений и передвижения бояр, которые тянулись вслед за князьями в поисках «счастья и чинов» – сёл и других всевозможных выгод. По Руси из конца в конец шли, плыли или ехали на лошадях купцы, зодчие, скоморохи, паломники, монахи. Показательна широта торговой и финансовой деятельности новгородцев, которая хорошо видна по данным берестяных грамот. Согласно грамоте №675 (60-е годы XII в.), новгородец Милята по своим делам посещал Луку, Киев и Суздаль. Другой новгородский купец – Павел, ездил в Киев и Ростов. Ещё один – Душила – в Москву (Кучков). Речь идёт не только о торговле, новгородские дельцы позволяли себе давать людям в долг, вне зависимости от того, где они проживали – в Русе, Суздале, Киеве или на Селигере (гр. №526, 675). И это в то время, когда переход из Чернигова в Киев за один день рассматривался как образец небывалой стремительности (в наше время это расстояние можно преодолеть за 1 час на машине и за 20 минут на самолёте). Косвенно такого рода сделки говорят об устойчивости и развитости горизонтальных связей в Киево-Новгородской Руси. Существовая в рамках единой культурно-экономической системы, которой являлась в то время древнерусская цивилизация, эти передвижения сами связывали общество очень прочными узами.

Отличительной чертой Древней Руси является особый религиозный фон: **сочетание христианской церковной организации с массовым языческим сознанием и обычаями**. После крещения Владимиром Русь стала христианской страной. Образовалась русская митрополия, были созданы епархии, начали строиться церкви, появились монастыри. Зодчие, ювелиры и книж-

ники активно вели христианскую «монументальную пропаганду», а попы всех чинов и званий стремились как можно больше людей крестить и венчать, приобщая их к христианскому благочестию. Определённые успехи в этом были. До нас дошли великолепные образцы художественного ремесла, книжности и зодчества, созданные в то время в рамках православной традиции. Однако говорить о том, что христианство полностью или хотя бы в значительной мере овладело душами древних русичей вряд ли возможно. О преобладании языческих, а не христианских, представлений, морали и традиции свидетельствует множество самых разных источников. Согласно археологическим данным, в первой четверти XI века русичи практически не пользовались христианской символикой. В массовую культуру она постепенно входит лишь в течение XII века, главным образом в последней его четверти [15, с. 36]. Если судить по курганным могильникам, языческая атрибутика переплеталась с христианской ещё в первой половине XIII века [16, с. 79]. В «Слове некоего христороубца», написанном в XIII или XIV веке, говорится о вопиющих с точки зрения христианского книжника вещах. Оказывается, спустя несколько столетий после крещения, русские люди продолжали приносить жертвы языческим богам, причём среди них были и представители образованного класса – попы и книжники: «... и верують в Перуна, и в Хорса, и в Мокошь, и в Сима, и в Ръгла, и въ Вилы, ихъ же числом 39 сестрениць. [...] иже въ вере и во крещеньи тако творять не токмо невежи, но и вежи – попове и книжници» [17, с. 123–125]. Сам факт того, что христианские богословы в XIII и XIV веках активно создавали поучения против язычества, рассматривая старую славянскую веру как главного своего врага, говорит о том, что мировоззрение славян продолжало занимать значительное место в сознании и обычаях русских людей того времени. Об этом же свидетельствует и отсутствие в Древней Руси своих собственных ересей. Красноречивым свидетельством преобладания язычества над христианством в Киевской Руси является «Слово о полку Игореве», которое фактически создано на основе языческой традиции и языческого мировоззрения. Так называемые христианские элементы в «Слове» – а это в основном упоминания церковей как топографических пунктов, «суда божьего»,

«бога», «поганых» и ещё ряд незначительных и довольно спорных вещей – занимают в произведении скромное место. В «Слове» всё происходит в рамках языческих представлений. Здесь нет борьбы бога и дьявола, нет безусловного добра и безусловного зла, нет призывов к смирению и покаянию, обычных для христианских писателей. Нет явных библейских цитат. Зато есть Велес и его «внук» сказитель Боян, Солнце в разных ипостасях и князя-оборотни, Ветер-Стрибог и его внуки, веющие на полки Игоря, разговаривающий Донец и Днепр Словутич, к которому обращается за помощью Ярославна. Есть природа, предвещающая гибель русских полков в неравной борьбе, есть жажда мести, война и пиры, любовь и слава. Представлять всё это как художественные образы, подобные тем, что использовали авторы эпохи просвещения, нельзя. В условиях борьбы между язычеством и христианством такие приёмы просто не мыслимы.

Как следствие господства языческого сознания, выступает ещё одна важная черта – Киевская Русь была **сексуально раскрепощённой**. Любопытные данные в этом отношении предоставляет житие Моисея Угрина, дошедшее до нас в составе Киево-Печерского патерика. Моисей, названный Угрином, был любимцем Бориса Владимировича, убитого в 1015 году. Согласно рассказу Патерика, некая знатная полячка, купив на рынке рабов Моисея (он был захвачен польским князем Болеславом), захотела сделать его своим мужем. После многочисленных, но безуспешных попыток уговорить Моисея добром, она решилась на отчаянный шаг: положила его силой на ложе, ласкала его и лобызала, но всё было бесполезно. Блаженный только сказал: «Въсуде труд твой, не мни бо мя яко безумна или не могуща сего дела сътворити, но страха ради Божия тебе гнушаюся, яко нечистию» [1, с. 396–397]. В словах Моисея – «не думай, что я безумный или что не могу этого дела сделать» – отражается общепринятый в то время взгляд на отношения между мужчиной и женщиной – от секса может отказываться либо сумасшедший, либо страдающий половой слабостью. Моисей, как видно, хотел, чтобы его не заподозрили ни в том, ни в другом. Ярким свидетельством характера сексуальной культуры является система невербальных сигналов (намёков), призванных показать намерения сторон. Современное

русское общество, пережившее в XX веке две сексуальные революции (в начале и в конце столетия), допускает лишь скрытые сексуальные сигналы. В древней Руси, по данным исповедных вопросов, преобладали не скрытые, а открытые сигналы. Самым безобидным намёком на желание интимной связи было подмигивание, возможно, сопровождаемое жестами. Другой достаточно откровенный сигнал – «наступить на ногу с похотью». В ход также шли обнажение и показ своих половых органов, хватания за гениталии, касания голым телом, прикладывание к «тайным удам» (и мужчинами, и женщинами) [1, с. 399]. О сексуальной свободе говорит и широкое распространение в Древней Руси языческого брака. По данным «Церковного правила митрополита Иоанна» (втор. пол. XI в.), значительная часть древнерусского общества даже не думала о венчальном браке. Люди считали, что венчаться должны лишь князья и бояре [18]. В то же время князья и бояре полагали, что им

можно иметь, кроме венчанной жены, несколько невенчаных языческих жён или наложниц. О существовании многожёнства в Древней Руси свидетельствует, например, церковный устав Ярослава Владимировича.

Таким образом, древнерусская цивилизация обладала рядом общих черт, присущих любой полисной цивилизации – верховная собственность города на землю, село как основная хозяйственная ячейка, наличие собрания граждан, полномочного принимать любые решения, патриотизм, свобода и взаимопомощь как базовые ценности. Особенностью Киевской Руси было сочетание высокой горизонтальной и низкой вертикальной мобильности, высокая доля совместного землевладения, сочетание монархии с непосредственным народовластием, построение государства по образцу племени, сочетание церковной организации с массовым языческим сознанием и обычаями, широкая сексуальная свобода.

06.12.2016

Список литературы:

1. Поляков, А.Н. Киевская Русь как цивилизация / А.Н. Поляков. – 2-е изд., испр. и доп. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. – 518 с.
2. Сотникова, М.П. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI веков / М.П. Сотникова, И.Г. Спасский. – Л.: «Искусство», 1983. – 239 с.
3. Полное собрание русских летописей. Т.2. Ипатьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 648 с.
4. Полное собрание русских летописей. Т.1. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 496 с.
5. Никитин, Н.И. Сибирская эпопея XVII века / Н.И. Никитин. – М.: Наука, 1987. – 176 с.
6. «Слово о полку Игореве» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб.: Дмитрий Булавин, 1995. – Т. 1. – 276 с.
7. Киево-Печерский патерик // «Изборник»: Сборник произведений литературы Древней Руси. – М.: Художественная литература, 1969. – С. 290–325.
8. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. – М.; Л.: АН СССР, 1949. – 409 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 720 с.
10. Слово Даниила Заточника // «Изборник»: Сборник произведений литературы Древней Руси. – М.: Художественная литература, 1969. – С. 224–235.
11. Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект / А.А. Зализняк. – М.: Языки русской культуры, 2004. – 872 с.
12. Майоров, А.В. Галицко-Волынская Русь / А.В. Майоров. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 640 с.
13. Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка / Г.П. Цыганенко. – Киев: Радянська школа, 1989. – 511 с.
14. Слово о погибели Русской земли // «Изборник»: Сборник произведений литературы Древней Руси. – М.: Художественная литература, 1969. – С. 326–327.
15. Лесман, Ю.М. Новгородские привески – источник для реконструкции динамики христианизации / Ю.М. Лесман // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, Церковь. – М.: Институт российской истории РАН, 1995. – С. 33–36.
16. Седов, В.В. Становление христианства в Смоленской земле (по курганным материалам) / В.В. Седов // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, Церковь. – М.: Институт российской истории РАН, 1995. – С. 77–79.
17. Слово некоего христороубца, ревнителя по правой вере / Сост., вступ. ст., комм. Т. В. Черторицкой // Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). – М.: Советская Россия, 1987. – С.123–127.
18. Церковное правило митрополита Иоанна к Иакову черноризцу [Электронный ресурс] // Казанская семинария. – Казань, 2008. – Режим доступа: <http://kds.eparhia.ru/bibliot/makariy/pravilo>

Сведения об авторе:

Поляков Александр Николаевич, доцент кафедры истории

Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, 20 корпус, ауд. 20914, тел. (3235) 372571, e-mail: worldhist@mail.osu.ru